

УДК 37.013.83

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ХЬЮТАГОГИКИ В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Мария Сергеевна Невзорова

кандидат педагогических наук, доцент

trud.mgau@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования практики применения модели хьютагогики в современном профессиональном образовании. Обозначены проблемы и потенциалы применения модели хьютагогики в современном профессиональном образовании.

Ключевые слова: педагогика 2.0, хьютагогика, проблемы применения модели хьютагогики в профессиональном образовании.

Сегодня мы становимся свидетелями грандиозного обновления информационной среды существования человечества. Значительным переменам в связи с этим подвергается и образовательный процесс как система социально и информационно обусловленная. Тенденции развития Индустрии 4.0 и Педагогики 2.0 оказали необратимое влияние на профессиональное образование как процесс и его субъекты. Идеи ЮНЕСКО относительно образования взрослых были восприняты мировой системой образования как возможность превращения природосообразного познавательного самосовершенствования человека в течение всей его сознательной жизни в управляемый процесс. Эта инновация выразилась в формулировке Long life learning, куда включен целый ряд формальных и стихийных процессов, формально представленных как профессиональное обучение (training) и самообразование (self-education), «большие потоки информации, постоянно меняющаяся система требований к результатам деятельности, несогласованность требований к объемам осваиваемой учебной информации с постоянным ее добавлением, тиражирование форм отчетности о результатах деятельности – создают условия для искажения мотивации учебной деятельности у детей и педагогической работы – у педагогов» [1; 6, с. 281]. Моделями образования взрослых традиционно считаются андрагогическая (образование взрослых) и хьютагогическая (самообразование взрослых) [1; 3; 5; 6]. С учетом современных тенденций взаимодействия образования с информационным пространством хьютагогика содержит значительные ресурсы для организации подготовки будущих педагогов в условиях вуза. Ее «неорганизованность», неформализованность расширяет возможность привнесения новых элементов, которые не могут с успехом применяться в рациональной структуре прочих.

Сам термин heutagogy (хьютагогика, эвтагогика) предложен Стюартом Хассе и Крисом Кеньоном в качестве инновационной концепции образования, в которой субъектом представляется обучающийся взрослый, осуществляющий

самостоятельное управление этим процессом. Авторы концепции предлагают развернуть образовательный процесс от наставничества, ведущей роли педагога к инициативе обучающихся [2; 3; 4; 7; 11]. В сущности, в современном объеме информации взрослый человек, владеющий различными сложившимися схемами поисковой деятельности, нуждается в привлечении кураторов-педагогов лишь тогда, когда познавательная цель уже сформирована им. Действительно, в современном мире значительное количество информации можно найти в оцифрованном варианте даже не выходя из дома. При этом отмечается, что хьютагогика – это модель образования исключительно взрослых людей, которые уже сами могут оценить свои образовательные потребности и обеспечить их удовлетворение в организационном плане [1; 2, 8, 9]. Но парадоксальным здесь стало явление, вскрывшееся в процессе организации дистанционного образования: те же факторы современного информационного многообразия, доступности создают и препятствия к свободному оперированию субъектом ресурсами. Обучающийся начинает испытывать сложности выбора и поиска доступных средств учения, опираясь на первые попавшиеся и получая, как следствие, далеко не всегда нужные результаты.

В течение полутора лет в Социально-педагогическом институте проводилось исследование возможностей самообразования студентов, обучавшихся в дистанционной форме с использованием моделей хьютагогики и андрагогики. В результате выявился ряд проблем их применения в условиях профессионального образования. Определено, что эффективность самостоятельной образовательной деятельности обучающихся снижается за счет:

- *не заданного заранее количества времени*, которое нужно потратить на поиск нужной информации. Вместо изучения нужного материала субъект теряет время на поиск нужного контента, что подчас может занимать очень значительное время. Обучающиеся в дистанционной форме студенты в значительной мере испытывали недостаток времени, не успевали выполнить

задание, ссылаясь при этом на катастрофическую нехватку времени. При дистанционной форме обучения ожидаемыми были высвобождение времени, которое затрачивалось студентами ранее на сборы и дорогу до университета. Испытания же показали, что не только высвободившееся время, но практически все свободное затрачивается на ориентировку в учебном материале даже при получении подробных письменных и устных инструкций от преподавателя;

- *неупорядоченности самой информации*, находящейся сегодня в свободном доступе каждого. Субъект, натываясь в случайном порядке на подходящие по ключевым параметрам поиску контенты, может получить из них как подходящие, так и мало относящиеся к делу, как научные, так и популярные или вовсе недостоверные сведения. Причем отличить одно от другого человеку, обучающемуся полностью самостоятельно подчас сложно или вовсе не представляется возможным. В процессе дистанционного обучения студенты (92 %) испытывали трудности в самостоятельном поиске дополнительных учебных источников, их оценке на предмет компетентности, компиляции материала и отборе ключевых фрагментов;

- *повышения самостоятельности и ответственности* субъекта в процессе целеобразования, парциальной, а возможно и итоговой оценки. Здесь то, что обычно в традиционной педагогике и андрагогике рассматривается как достоинство, может превратиться в хьютагогике в проблемную точку. Поскольку субъект образования еще не является субъектом профессиональной деятельности или компетентным специалистом в изучаемом вопросе, цель, поставленная им, может на порядок отличаться от ориентирной. План действий, постоянно сличаемый с образом будущего результата в процессе его исполнения, также может оказаться неэффективным. Так в нашем исследовании в ходе дистанционного обучения студенты (более 63 %), осваивавшие программу психологии, обращались в поиске материала для подготовки творческих заданий (где цель как образ будущего результат заранее не задана, а также не определены жестко этапы время подготовки и требования к источникам информации), не к научным источникам, а к «развлекательной

психологии». Проблема здесь состояла именно в неверном определении целей подготовки. Условия самообразования осложняла невозможность получения направляющего влияния от педагогов непосредственно и сразу после поступления вопросов, невозможность практического сотрудничества преподавателя и студента в ходе поиска информации и работы с ней, передачи студентам о конечном результате и процессе работы в деталях;

- «выпадания» из деятельности за счет бесконтрольности и отсутствия социальной опоры в деятельности. Учебная деятельность, обладая социальной природой и структурируется, дисциплинируется общественными способами. Своеобразные правила, по которым деятельность должна развиваться и оценивается ее ход и результаты, также задаются определенным сообществом. Вместе с тем, не вполне верным является и мнение о том, что виртуальное общение не опирается на социальное влияние. При самообразовании в рамках освоения программ вуза в дистанционной форме мы имеем некий суррогат реального общения, но без достаточного мотивационного напряжения у его субъектов. Большинство студентов (более 95 %), обучавшихся дистанционно отметило, что возникают сложности с самоорганизацией деятельности даже при достаточно устойчивой цели, чего не происходит в непосредственном контакте с преподавателями и одногруппниками. Вместо этого мотивационное напряжение стимулируется эпизодически, во время актов общения с участниками учебного сообщества, но большинство организационных вопросов остается неразрешенными, повышается тревога за результат, а рабочее напряжение снижается за счет перечисленных факторов.

Именно эти проблемы применения хьютагогической модели в процессе самообразования отмечало большинство (более 77 %) обучающихся вуза во время освоения образовательных программ в дистанционной форме. Сложности, возникшие во время самостоятельного поиска информации лежат, по видимому, в плоскости механизмов обмена информацией и опытом субъектами образования. Таким образом, хьютагогика должна быть

«окультурена» в условиях традиционного высшего образования и совмещена с андрагогической моделью. Вместе с тем, практика показывает, что передача культуры, знания происходит в общении людей, «врастании» их в культуру человечества [10]. Процесс же хьютагогики основывается во многом на бесконтактных, по крайней мере, в их «живом», контактном виде во взаимодействии, что может быть с успехом применено в высшем образовании.

Список литературы:

1. Задворная О.Л., Просяник Л.Д., Фадеева Е.И. Модели обучения организаторов здравоохранения: учебное пособие. М.: ФГБОУ ДПО РМАНПО, 2017. – 68 с.
2. Игнатович Е.В. Хьютагогика как зарубежная концепция самостоятельного обучения // Непрерывное образование: XXI век. 2013. №. 3.
3. Айснер Л.Ю. Хьютагогика как модель самостоятельного образования: путь к саморазвитию и совершенствованию профессиональных навыков// Сборник материалов международной научно-практической конференции КГАУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2021/g3.pdf
4. Корепанова Е.В. Перспективы развития экологической педагогики в контексте индустрии 4.0 // Экологическая педагогика: проблемы и перспективы в свете развития технологий индустрии 4.0. Материалы Международной научной школы, организованной при финансовой поддержке Администрации Тамбовской области. 2017 С. 8-13.
5. Манаенкова М.П. Компетентностный подход: от теории к практике Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы. Материалы XI Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием). 2020 С. 127-131.
6. Невзорова М.С. Факторы психологических опасностей и рисков современной образовательной среды // Экологическая педагогика: проблемы и перспективы в свете развития технологий Индустрии 4.0: сборник

материалов Международной научной школы (26 октября 2017 г.) / под общей редакцией Е.С. Симбирских. Мичуринск: Изд-во Мичуринского ГАУ, 2017. – 315с.

7. Обносов В.Н. Развитие способностей детей: основные требования // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 3. С. 198.

8. Корепанова Е.В., Попова Е.Е., Федулова Ю.А. Развитие познавательной активности студентов в условиях компетентностного подхода // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2019. № 4. С. 164-169.

9. Корепанова Е.В., Невзорова М.С., Судакова М.В. Приоритетные векторы реализации теории и технологий компетентностного подхода в образовательном пространстве СПИ Мичуринского ГАУ // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 1. С. 30.

10. «Плюс-Минус» репутация: из опыта имиджмейкинга государственной службы: учебно-методическое пособие / О.С. Синепупова, Н.И. Руднева, Г.В. Короткова, М.Н. Гусева и др. // Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2015. 150 с.

11. Sustaining lifelong learning: A review of heutagogical practice. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slideshare.net/lisamarieblaschke/sustaining-lifelong-learning-a-review-of-heutagogical-practice>.

UDC 37.013.83

PROBLEMS OF APPLYING THE MODEL OF HEUTAGOGY IN MODERN PROFESSIONAL EDUCATION

Maria S. Nevzorova

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor

trud.mgau@yandex.ru

Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Russia

Annotation. The article presents the results of a study of the practice of applying the model of hyutagogy in modern professional education. The problems and potentials of the application of the hyutagogics model in modern professional education are outlined.

Key words: pedagogy 2.0, hyutagogy, problems of applying the model of hyutagogy in vocational education.

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 10.12.2021.